

УДК 903.2

С.П. Нестеров¹, И.А. Дураков², О.А. Шеломихин³¹Институт археологии и этнографии СО РАН

пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: nesterov@archaeology.nsc.ru

²Новосибирский государственный педагогический университет

ул. Вилюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия

E-mail: idurakov@yandex.ru

³Благовещенский государственный педагогический университет

ул. Ленина, 104, Благовещенск, 675000, Россия

E-mail: istfil@bgru.ru

РАННИЙ КОМПЛЕКС УРИЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ С БУКИНСКОГО КЛЮЧА НА РЕКЕ БУРЕЕ*

В статье проводится анализ ранних материалов урильской культуры с многослойного памятника Букинский Ключ-1 на р. Буре. Наиболее значимыми артефактами в данном комплексе следует считать железный стержень и бронзовую лапчатую бляшку-нашивку карасукского облика. Судя по составу каменного инвентаря, хозяйственная деятельность человека на раннеурильской стоянке была связана с охотой и рыболовством. Большое количество отщепов и сколов, присутствие нуклеусов, отбойников, наковаленок свидетельствуют об изготовлении необходимых каменных орудий непосредственно на месте стоянки. Комплекс признаков хозяйственной деятельности человека на Букинском Ключе-1, отсутствие жилищных конструкций, бессистемное расположение кострищ говорят о том, что, скорее всего, это была сезонная охотничье-рыболовная стоянка нерегулярного посещения. Наличие в одном комплексе урильской культуры, сменившей в Западном Приамурье позднеолитическую осиноозерскую, бронзовых и железных предметов, возможно являющихся репликами карасукских изделий; местное производство железа; новые радиоуглеродные даты, которые позволяют говорить о возникновении урильской культуры в XII в. до н.э., пока не дают оснований для выделения бронзового века как отдельного хронологического этапа в археологической периодизации древностей Приамурья, по крайней мере, в его западной части. Здесь, видимо, бронза и железо начали использоваться населением одновременно в самом конце II – начале I тыс. до н.э.

Введение

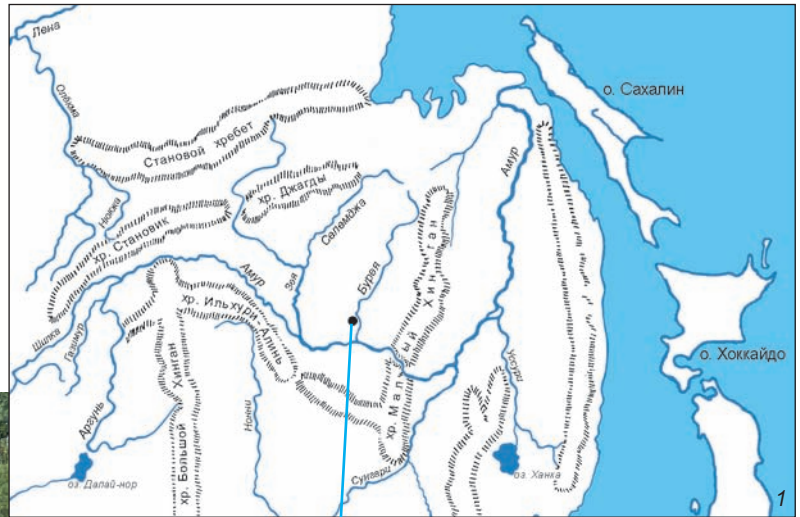
Местонахождение памятника было показано в 1987 г. жителем с. Бахирева А.В. Джуриком**, который об-

*Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (проект «Адаптационные процессы у населения западной части бассейна Амура в период голоцена»).

**Александр Викторович Джурик, служивший егерем в Желундинском заказнике, трагически погиб весной 2006 г. на р. Буре.

ратил внимание «на глубокие рвы» с двух сторон площадки, идущие перпендикулярно руслу Буреи, и глубокие ямы в пространстве между ними. Памятник Букинский Ключ-1 расположен на правом берегу Буреи в 11 км вверх по течению от с. Бахирева, в 150–200 м ниже впадения в Бурею Букинского ключа (рис. 1). Участок высокой поймы в этом месте (4–7 м над урезом воды в период меженного стояния) с севера и с юга ограничен двумя перпендикулярными к руслу реки сухими водотоками (принятые информатором за глубокие рвы). Западины в глубине террасы на поверку оказались остатками старой пасеки. В 70 м к югу от данного памятника располагается раскопан-

Рис. 1. Расположение памятника Букинский Ключ-1 (1); вид на правый берег Буреи с востока (2) (стрелкой указано местонахождение древней стоянки); вид на место раскопок с юга (3).

ная в 1988 г. стоянка Букинский Ключ-2 [Древности Буреи, 2000, с. 132].

Общая площадь, занимаемая памятником Букинский Ключ-1, составляет 600–700 м². В результате исследований 1997, 1999 и 2001 гг. было вскрыто 372 м² террасы, примыкающей к южному водотоку (рис. 2).

На раскопанной части площадки естественные напластования террасы нарушены многочисленными промывами, смывами дресвы со стороны тылового шва и антропогенным воздействием (сооружением трех котлованов под раннесредневековые жилища михайловской культуры). Обобщенная стратиграфическая колонка террасы в месте дислокации памятника содержит следующие напластования (рис. 3, 4): слой 1 – дерн, имеющий в некоторых местах поддерновый прослой (1.1), в котором обнаружены отдельные артефакты; слой 2 – аллювиальный песок, образовавшийся вследствие катастрофического наводнения (вероятно, в первой половине XI в. н.э. [Там же, с. 191]); слой 3 – супесь, состоящая из трех прослоев (3.1, 3.2, 3.3), которые содержат археологический материал: 3.1 – раннесредневековой михайловской культуры, 3.2, являющийся контактным между прослоями 3.1 и 3.3, – урильской, талаканской и михайловской культур, 3.3 – урильской; слой 4 – стерильный аллювиальный песок; слой 5 – супесь, по цвету делится на два прослоя (5.1 и 5.2), из которых только в верхнем (5.1) обнаружены артефакты урильской

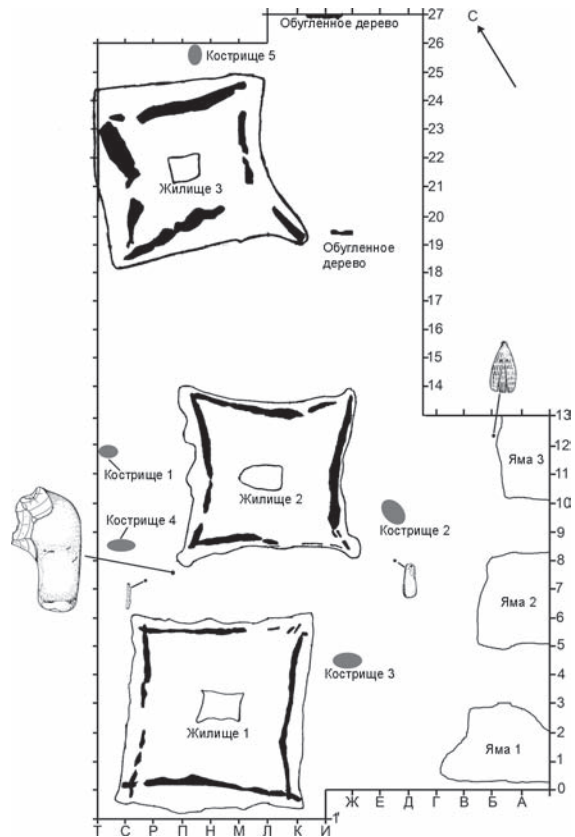

Рис. 2. План раскопа на памятнике Букинский Ключ-1.

Рис. 3. Фрагмент бровки по линии Г и скопление керамики около нее.

Рис. 4. Фрагмент стенки раскопа по линии Р и кострище 1.

Рис. 5. Урильское кострище 3 и находки вокруг него.

культуры. Ниже чередуются слои песка и погребенных почв, не содержащие археологического материала. В северной части площадки поверхность слоя 6 очень неровная и напоминает кочкарник.

На исследованной части террасы в прослое 5.1 выявлены только кострища и два незначительных фрагмента обугленного дерева (см. рис. 2).

Кострище 1 обнаружено в западной части площадки в виде прокала ярко-кирпичного цвета (рис. 4). Оно имело ширину $\approx 0,45$, длину 0,7 м. Кострище было сооружено в естественном блюдцевидном углублении. Прослежены два уровня прокала, разделенные прослоем (2–3 см) желтого песка. На поверхности нижнего уровня найдены два фрагмента бересты, в заполнении – два черепка красноглиняной с лощением керамики и два отщеп; на поверхности позднего периода функционирования кострища – каменный скребок, несколько фрагментов керамики без орнамента и один крупный черепок горшка. Частично кострище перекрыто тонким слоем крупнозернистого песка и дресвы.

Кострище 2 имело подовальную в плане форму (примерно $0,6 \times 1,1$ м), вытянутую по линии север – юг. Возможно, именно с ним связана большая концентрация в этом месте отщепов и фрагментов керамики.

Кострище 3 было овальной в плане формы ($0,5 \times 0,9$ м), вытянутой по линии северо-запад – юго-восток. С восточной стороны к нему примыкал прокал ярко-красного цвета. На поверхности кострища найдены два каменных наконечника стрелы, куски бересты, фрагменты керамики, каменный скребок, мелкие кальцинированные кости. В заполнении встречены угольки, кальцинированные косточки, фрагменты керамики урильской культуры. Вокруг кострища отмечена концентрация находок, в основном отщепов и мелких керамических черепков (рис. 5).

Кострище 4 имело овальную в плане форму ($0,4 \times 1,25$ м). В его заполнении найдены мелкие горелые и необожженные кости (в т.ч. трубчатые), два фрагмента керамики, отщеп. Один черепок украшен вафельным орнаментом.

Кострище 5 в виде прокала овальной в плане формы ($0,5 \times 0,8$ м) обнаружено в северной части раскопа. Около него найдены отщеп, фрагмент керамики и, возможно, каменное орудие.

Каменные артефакты

Орудийный комплекс из прослоя 5.1 представлен каменными скребками (20 экз.), ножами (3 экз.), наконечниками стрел (6 экз.), проколками (2 экз.) (рис. 6, 8), нуклеусами (5 экз.), ложилами (2 экз.) в виде уплощенных галек, каменным ретушером, сланцевой мотыгой, галькой-грузилом (рис. 7, 1), тремя обломка-

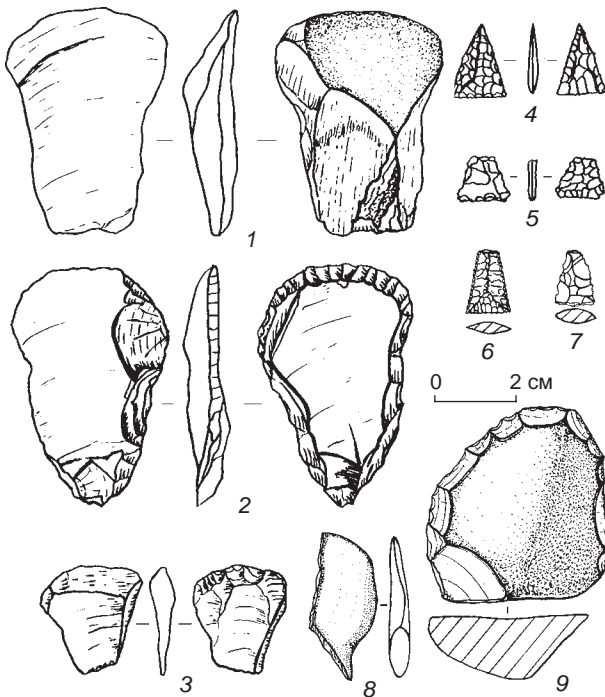

Рис. 6. Каменные орудия урильской культуры.
1–3, 9 – скребки; 4–7 – наконечники стрел; 8 – проколка.

ми абразивной плитки, галечным рубилом. Отщепы и сколы были одиночно рассеяны по всей его толще, изредка образовывали скопления. Продукты дебитажа представлены кремнистыми породами, халцедоном, кварцем. Один отщеп был обсидиановый. Шлифованных орудий здесь, как и в более позднем прослое 3.3, в отличие от урильского слоя на памятнике Сухие Протоки-2 [Там же, с. 81], не обнаружено.

Каменные скребки изготовлены из отщепов и сколов подтреугольной в плане формы. Чаще рабочим лезвием служил подходящий для этих целей край отщепы, реже лезвия оформлялись при помощи ретуши (см. рис. 6, 1–3, 9). В качестве ножей также использовали отщепы. Данная категория артефактов выделяется только при трасологическом анализе*. Среди них определены небольшие ножи, использовавшиеся при непосредственном употреблении мяса во время еды.

Наконечники стрел имеют небольшие размеры и вытянутую треугольную в плане форму. Ретуширование преформы проводилось в трех направлениях: с боковых сторон и с основания. В результате посередине образовывалось ребро. Основание наконечников прямое и приостренное, что позволяет предполагать его использование в качестве срезня. У большинства наконечников обломано острие, а у одного – основание (см. рис. 6, 4–7).

* Авторы благодарят д-ра ист. наук П.В. Волкова за проведенные трасологические определения.

Все нуклеусы из данного слоя аморфные. Площадка для снятия отщепов специально не готовилась. Речная галька оббивалась так, чтобы получались сколы нужной формы. В некоторых случаях снятия производились по окружности гальки от краев к центру.

Мотыга с выделенной рукоятью изготовлена из сланцевой плитки красно-коричневого цвета (длина 13 см; ширина рабочей части 6,8 см, рукояти – 5,4; толщина 1,3–1,7 см). Приостренное рабочее лезвие образовано двумя сколами (см. рис. 7, 2)

Галечное рубило залегало в древнем промыве между котлованами средневековых жилищ 1 и 2. Орудие имеет естественную Г-образную в плане форму (рис. 8). Общая длина 18 см, толщина 4,5–5,5 см. Длина «ру-

Рис. 7. Галька-грузило (1) и мотыга (2) из прослая 5.1.

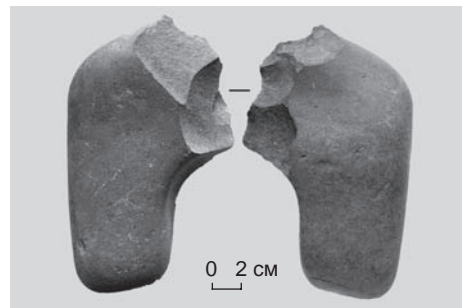

Рис. 8. Галечное рубило из прослая 5.1.

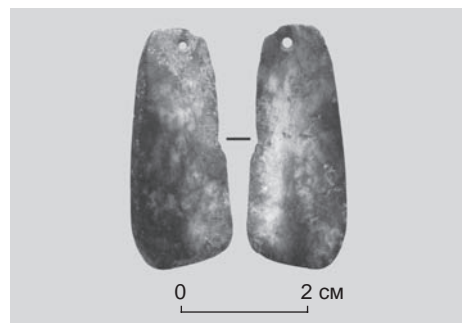

Рис. 9. Изделие из яшмы из прослая 5.1.

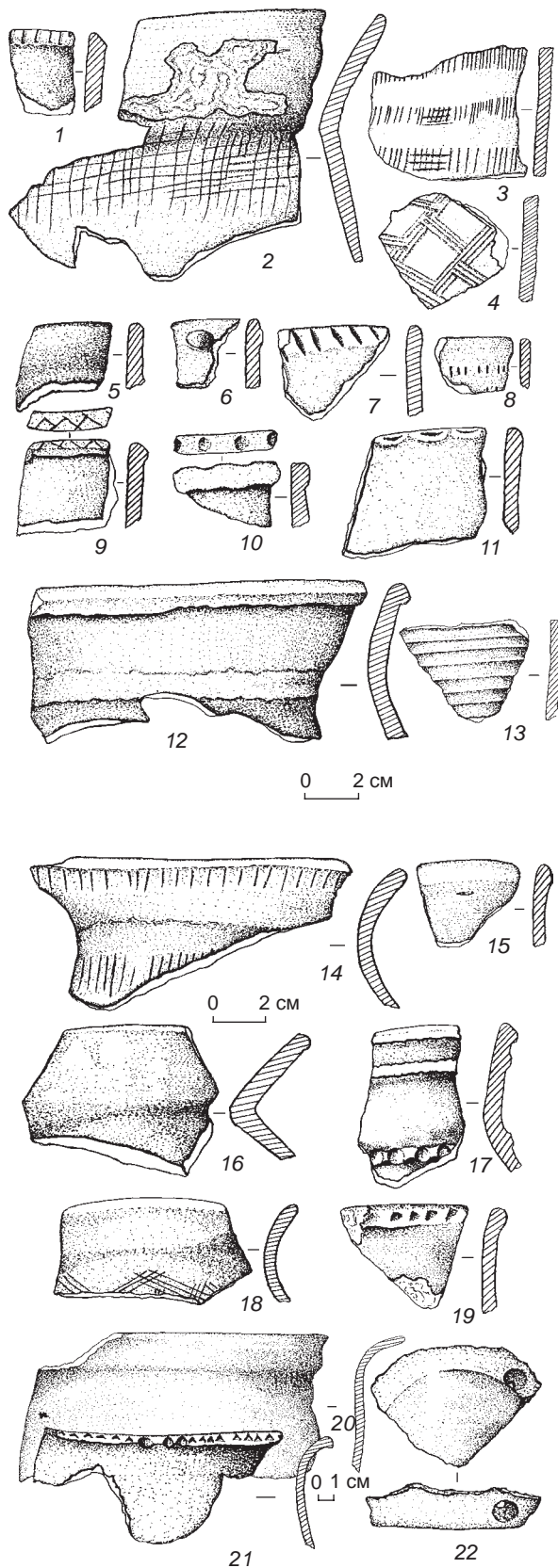

Рис. 10. Фрагменты керамики уральской культуры.

кояты» 7,5 см, ширина 6,5 см; рубящей части – соответственно 11,5 и 10,5 см. Лезвие орудия оформлено с одной стороны тремя крупными сколами, с другой – двумя. На его кромке видны следы сработанности в виде залощенности. Рядом с рубилом найдены три фрагмента уральской керамики.

К украшениям можно отнести каменные бусину (обломок) синего цвета и подвеску с биконическим отверстием (диаметр 1 мм), сделанную из яшмового отщепы (16,3 × 38,5 × 3 мм) и отшлифованную. Не исключено, что последняя могла использоваться в качестве блесны (рис. 9).

Керамика

Керамический материал из прослая 5.1 представлен в основном фрагментами, в т.ч. украшенными различными резными линиями (рис. 10, 2, 3), прочесами зубчатого шпателя (рис. 10, 4, 18). Над кострищем 3 и рядом с ним обнаружены черепки довольно большого сосуда, у которого тулово украшено рядами подковообразных оттисков, а венчик – такими же оттисками и ногтевыми отпечатками (рис. 11, 1). Южнее кострища 1 найден фрагмент сосуда без орнамента (см. рис. 10, 20). У него венчик сильно отогнут наружу, толщина стенок 5 мм. Скопление крупных обломков толстостенного сосуда без орнамента обнаружено в восточной части площадки. Подобные фрагменты встречены в прослое 5.1 по всей площади раскопа (см. рис. 10, 5, 16; 12, 2). Среди черепков глиняной посуды есть обломки керамики, окрашенной в красный цвет (см. рис. 10, 13); части сосудов с валиком по венчику (см. рис. 10, 10, 12, 17, 19, 21) и сосуда, у которого шейка и венчик украшены короткими (до 1,5 см) вертикальными насечками (см. рис. 10, 14). Фрагменты последнего были найдены также в прослоях 3.3 и 3.1.

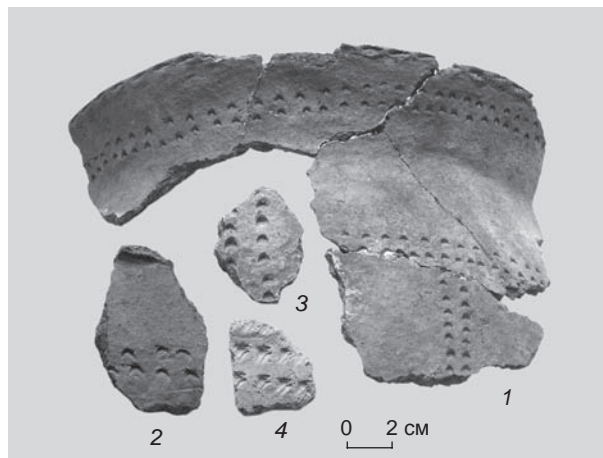

Рис. 11. Фрагменты керамики с подковообразным орнаментом из прослая 5.1.

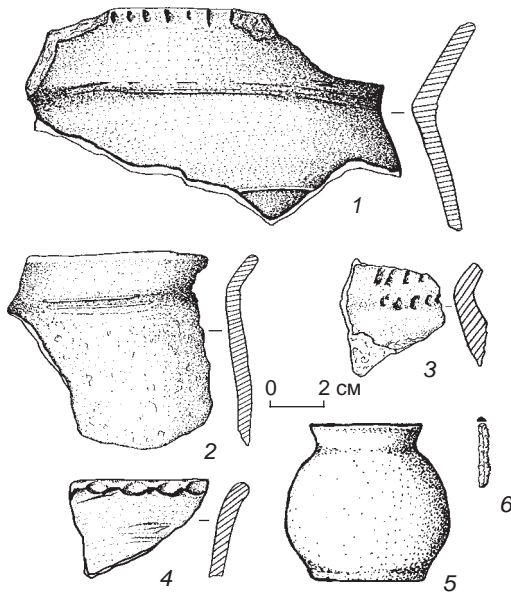

Рис. 12. Фрагменты керамики (1–4), реконструкция миниатюрного сосуда (5) и железный стержень (6) из прослоя 5.1.

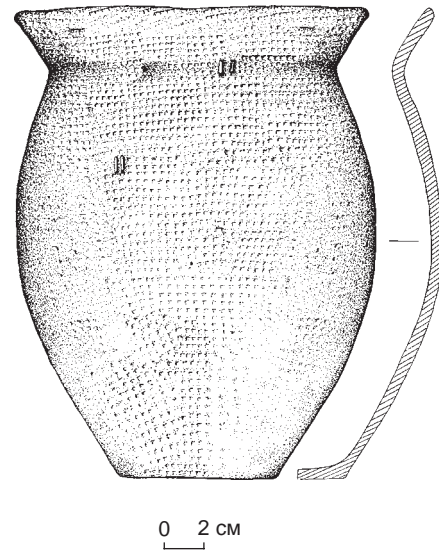

Рис. 13. Сосуд с вафельным орнаментом.

Пример рассредоточения разбитого керамического горшка по террасе демонстрируют фрагменты одного урильского сосуда, обнаруженные и в прослое 5.1, и в прослое 3.3. В этом месте площадки два горизонта сливаются: возможно, на древней поверхности, соответствующей слою 5, находился бугор (большая кочка). Еще два обломка того же сосуда найдены в яме-промыве 1 и на уровне залегания прослоя 3.1. Из обнаруженных в разных частях раскопа фрагментов керамики собран сосуд вытянутой горшковидной формы (высота 23,6 см; диаметр венчика 18,5 см, тулова – 17, дна – 7,5 см; толщина стенок 5–6 мм), украшенный по всей площади вафельным орнаментом, полузатертым в некоторых местах (рис. 13). На тулове и шейке редко расположены пары вертикальных коротких налипных ленточек (0,6 × 1 см), рассеченных лопаткой. С внутренней стороны венчика имеется нагар. Сосуд отнесен к прослою 5.1, т.к. именно в нем было найдено его доньшко, а в этом месте прослои 3.3 и 5.1 четко разделены толщей песка слоя 4.

Крупный обломок урильского сосуда, венчик, горловина с валиком и часть тулова которого покрыты вафельным орнаментом, находился рядом с фрагментом обугленного дерева в северной части площадки.

Обнаружены также пять небольших черепков миниатюрного сосуда. Он был сформован на основе донного начина в виде лепешки и нескольких жгутов, соединенных внахлест. Дно примазано к первому нижнему жгуту с внутренней стороны. Венчик образован из жгута, присоединенного к горловине также с внутренней стороны. Графическая реконструкция

сосудика предполагает его горшковидную форму закрытого типа, возможно, с заниженным экватором (в нижней трети), высоту ок. 6 см, плоское донце (диаметр 3,8 см), выделенную горловину (диаметр 4 см) и слегка отогнутый наружу венчик (диаметр 4,6 см). Наибольший диаметр сохранившейся части тулова 6,6 см (см. рис. 12, 5).

Металлические изделия

Очень важными находками в урильском прослое 5.1 являются изделия из металла. Наиболее значимый артефакт – железный стержень длиной 23 мм, шириной 3 мм, треугольный в сечении (см. рис. 12, 6). Не исключено, что это обломок рыболовного крючка.

На краю ямы 3 была найдена бронзовая лапчатая бляшка (длина 5,75 см, наибольшая ширина 2,9 см) с двумя небольшими отверстиями в верхней части. Она представляет собой слегка выпуклую подтреугольную пластину с рассеченным на три части основанием и небольшим дисковидным навершием. Лицевая поверхность украшена рельефом в виде сетки, состоящей из сходящихся к вершине линий, пересеченных несколькими параллельными горизонтальными валиками, расположенными в шесть рядов (рис. 14, 1) [Нестеров, Алкин, Богданов, 1997, с. 260, рис. 2, 1]. А.И. Мазин в форме бляшки видит птицу, сидящую «спиной к зрителю». По его мнению, сверху бляшка была покрыта золотом, сохранившимся только в углублениях орнамента и с обратной стороны [Мазин,

2003, с. 195]. Более того, А.И. Мазин предполагает наличие в орнаменте определенной знаковой системы, которую он интерпретирует как календарь, где заложено счисление солнечно-лунного года и содержится информация о традиционном хозяйственном годе носителей урильской культуры, близком такому у оленеводов-охотников и охотников [Там же, с. 198, 201, 204].

При исследовании бляшки на ее поверхности обнаружены следы изготовления и использования. Характерные замытости рельефа указывают на то, что мы имеем дело с копией.

На обратной стороне в верхней трети бляшки сохранились остатки сломанной петельки (рис. 14, 2, I).

Отпечаток структуры стенок литейной формы на поверхности сломов указывает на то, что изделие было отлито уже с поврежденной петелькой и ее остатки перешли на отливку с модели при формовке. Первоначальный вид петельки реконструируется в виде выступающей над поверхностью на 1–1,2 мм планки, перекрывающей небольшое овальное углубление. По обеим сторонам от остатков петельки прослеживаются два круглых отверстия диаметром 2,4–2,5 мм. Они частично пересекают углубление петельки на обратной стороне отливки (рис. 14, 2, I: B) и разрывают линии рельефа на лицевой поверхности, явно нарушая его первоначальную композицию. Все это указывает на более позднее появление отверстий. Видимо, они

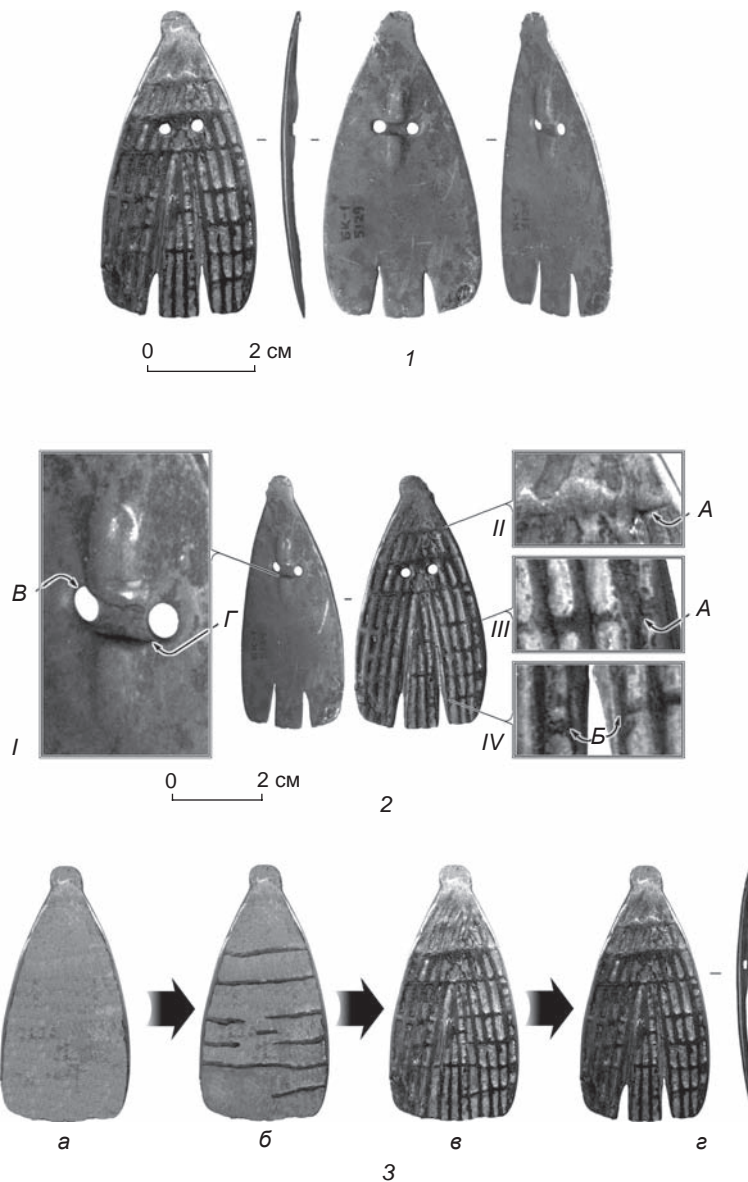

Рис. 14. Бронзовая бляшка с р. Буреи (1), ее детали (2) и реконструкция этапов ее создания по пластичной модели (3).

были проделаны для замены петельки уже после ее утраты. Так как на внутренних стенках отверстий прослеживаются литейные швы, можно уверенно утверждать, что ремонту подверглась бляшка, послужившая моделью, а не отливка-копия (рис. 14, 2, I: Г).

Поломка петельки, по всей видимости, не случайна и обусловлена ее конструкцией и материалом. Основная нагрузка при использовании бляшки приходится на наиболее тонкий участок, толщина которого не превышает 1 мм. Кроме этого, если выявленный при изучении бляшки состав сплава был типичен для изделий такого рода*, то он также мог быть причиной частой поломки подвергающихся механической нагрузке деталей. Степень легирования сплава здесь очень высока, в результате бронза получилась максимально хрупкой [Кропивницкий, 1973, с. 182]. Видимо, ненадежность петельки и использование хрупкого материала побудили мастера совсем отказаться от такого способа крепления при копировании украшения. Присутствие петельки на оригинале, а затем, после ее утери, двух отверстий в этом же месте, а также характерные для пришивания, а не подвешивания следы потертости от шнура свидетельствуют о том, что бляшка нашивалась на какую-либо основу, а не носилась в качестве подвески. В противном случае, логичнее было бы видеть отверстие в ее дисковидном навершии.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в качестве модели при изготовлении бляшки использовали старое, сильно потертое в процессе длительного использования изделие со сломанной петелькой. В результате на отливку перешли все следы износа, повреждений и ремонта модели. Следы наслаиваются друг на друга, и по этой своеобразной «стратиграфии» можно восстановить историю изготовления бляшки «первого поколения», послужившей формовочной моделью. Форма для отливки была сделана по пластичной, вероятнее всего восковой, модели (рис. 14, 3). Процесс изготовления восстанавливается следующим образом. Первоначально из воска выле-

пили заготовку будущей модели, передающую общий контур изделия (рис. 14, 3, а). Потом на ее лицевую поверхность нанесли рельеф в виде сетки из тонко раскатанных (1–1,5 мм) жгутов (рис. 14, 3, б, в). Признаками изготовления рельефа методом лепки являются перепады толщины его линий вследствие сужения жгута к концам при раскатывании и сплющивания при его прикреплении к поверхности модели. Кроме того, высота рельефа в местах пересечения валиков орнамента всегда увеличивается из-за наложения их друг на друга (рис. 14, 2, II, III: А). Первоначально на поверхность модели были наклеены поперечные жгуты, затем вертикальные, т.к. они перекрывают горизонтальные в местах пересечения (рис. 14, 2, III: А). В последнюю очередь, видимо уже после завершения основной композиции, появляется короткий поперечный валик у вершины бляхи (рис. 14, 3, з): он налагается как на вертикальные полосы, так и на окантовку края бляхи (рис. 14, 2, II: А).

После нанесения рельефа для придания будущей подвеске лапчатой формы в основании ее модели сделали два треугольных выреза (ширина основания 2 мм, глубина 8 мм). При этом были срезаны и смяты края вертикальных валиков, а поперечные разорваны так, что на другую сторону разреза перешел только самый конец жгута (рис. 14, 2, IV: Б, 3, з). Таким образом, разрезы рассекают рельеф, не согласуясь с его рисунком, что и указывает на более позднее их появление. Подобные дефекты невозможны при нанесении рельефа после полного оформления основания бляхи.

На лицевой поверхности прослеживается частичный размыв рельефа, что объясняется смывом части формы потоком металла вследствие недостаточной прочности формовочной смеси [Атлас..., 1957, с. 56].

Проведенный структурный анализ бляшки не свидетельствует о том, что она служила календарем. Пара отверстий на ней, имеющие, по мнению А.И. Мазина, значение «ограничителя дальнейшего увеличения счетных единиц» [2003, с. 196], не являются изначальноными, и их появление привело к нарушению орнамента, элементы которого интерпретированы как счетные единицы «календаря». Треугольные вырезы в основании также выполнены с разрушением рисунка рельефа еще на стадии матрицы.

Аналогичное украшение известно по материалам с поселения на о-ве Урильском. На нем отчетливо видны два сквозных отверстия, как на букинском экземпляре. Отсутствие треугольных вырезов, возможно, объясняется худшей сохранностью: длина бляшки меньше на 7 мм, что соответствует размерам выреза [Дервянко, 1973, с. 288, табл. XV, 8]. Не исключено, что оба изделия отливались с одного образца. Общая форма свидетельствует о знакомстве урильского населения с художественным металлом

*Химический анализ бляшки был выполнен экспресс-методом в Государственном Эрмитаже г. Санкт-Петербурга. Авторы благодарят С.В. Хаврина за проведенное исследование. Химический состав металла включает добавки: олово – 25–30 %, свинец – 8–12, мышьяк – < 1, серебро – < 1, сурьма – < 0,6 %. При подобном легировании изделие приобретает темно-серый или белый цвет и напоминает серебряное [Магницкий, Пирайнен, 1996, с. 66, табл. 2.19]. Благодаря большому количеству легкоплавких легирующих компонентов литейные качества сплава значительно улучшаются, увеличивается жидкотекучесть, температура плавления снижается до 800°. Однако механические качества отливки ухудшаются. Изделие получается очень хрупким, т.к. при содержании 27–28 % олова этот показатель достигает максимальной величины [Селимханов, 1970, с. 62].

карасукской культуры, где лапчатые подвески были широко распространены [Новгородова, 1970, с. 145; Членова, 1972, с. 202].

Начало эпохи палеометалла в Приамурье

Имеющиеся в нашем распоряжении радиоуглеродные даты для слоя 5 на р. Бурее позволяют отнести формирование прослоя 5.1 на памятнике Букинский Ключ-1 к периоду между 2900–2200 гг. до н.э. ($4\ 050 \pm 120$ л.н., СОАН-3735). Данные по слою 5 в районе Сухих протоков (в 10 км выше по р. Бурее от Букинского ключа) свидетельствуют о том, что оно не прерывалось 1200 лет ($3\ 100 \pm 40$ л.н., ЛЕ-2260). В XII–XI вв. до н.э. на р. Бурее произошло катастрофическое наводнение, в результате которого слой 5 оказался погребен под толщей аллювиального песка (слой 4) [Древности Буреи, 2000, с. 190–191]. Таким образом, сохранившиеся в прослое 5.1 на памятнике Букинский Ключ-1 артефакты (на Сухих Протоках-2 слой 5 не содержал культурных остатков) можно отнести к раннему комплексу урильской культуры.

В Приамурье выделяются два очага, где обнаружены ранние бронзовые изделия. На нижнем Амуре (Восточное Приамурье) предметы из бронзы были найдены на оз. Эворон (рыболовный крючок, обломок ножа и двухлопастный наконечник стрелы с насадом). Керамика эворонского комплекса выделяется грубостью, небрежностью выделки, отличным от неолитического орнаментом. Черепки покрыты квадратными, округлыми или овальными вдавлениями и изредка нечеткими оттисками гребенчатого штампа. Целая серия поселений с подобной керамикой была выявлена на р. Эвуре, впадающей в оз. Эворон. В то же время на поселении Сарголь вместе с небольшим

бронзовым ножом обнаружена круглодонная посуда, украшенная наклепными валиками, косыми насечками, ногтевыми и округлыми вдавлениями [Деревянко, 1969, с. 98]. Традиционно же неолитическая и более поздняя керамика на нижнем Амуре представлена плоскостонными сосудами. Все эти памятники были объединены А.П. Окладниковым и А.П. Деревянко в эворонскую культуру бронзового века. Исследователи отметили связь ее носителей с глазковской культурой племен таежных областей Восточной Сибири [Окладников, Деревянко, 1973, с. 200–203]. В то же время в Хабаровском музее хранятся три бронзовых изделия: наконечник копья с широким листовидным пером и втульчатым насадом, внешне напоминающий наконечники копий сейминского и иньского типов, и два очень узких кельта, по форме относящиеся к числу дальневосточным орудиям.

В Западном Приамурье на поселении в устье р. Анго при впадении ее в р. Зею в одном слое вместе с ножевидными пластинами и отщепами найдена бронзовая бляшка в виде двух кружков, соединенных нешироким перехватом. На другом поселении на р. Зее у с. Березовка обнаружен плавильный очаг с остатками шлаков со следами бронзы. А.П. Окладников и А.П. Деревянко данные бронзовые находки датируют иньско-карасукской эпохой, или временем ок. XV–X вв. до н.э. [Там же, с. 203, 206].

Новейшие данные по ранним металлическим изделиям в Западном Приамурье связаны с исследованиями на р. Селемдже и р. Бурее. Бронзовый нож обнаружен в первом культурном слое палеолитического памятника Усть-Ульма I. Он представляет собой изогнутый коленчатый клинок размером $85 \times 22 \times 4$ мм (рис. 15, 7). Одна сторона ножа плоская, другая – слегка выпуклая с ребром жесткости в середине [Деревянко, Зенин, 1995, с. 5–6]. В культурном слое урильского времени на стоянке Сухие Протоки-2 найдено несколько изделий из бронзы и железа. Один из двух бронзовых предметов – фрагмент лезвия ножа с острым режущим краем. Несколько выше линии заточки с одной стороны лезвия нанесен орнамент в виде пяти небольших углублений (рис. 15, 5). Другой бронзовый предмет – долбчатая бляшка-пронизка. Она состоит из двух соединенных вместе выпуклых бляшек бочонковидной формы, на внешней стороне которых сделаны широкие вырезы, а на месте перехвата – парные прямоугольные отверстия (рис. 15, 6).

Прямые аналоги находки из Сухих Протоков-2 на памятниках Приамурья и сопредельных с ним областей отсутствуют, однако близкие по форме бронзовые бляшки, подвески и обоймы широко бытуют во многих районах Центральной и Восточной Азии во второй половине II – первой половине I тыс. до н.э. Подобной ближайшей находкой является упоминавшаяся выше бляшка с поселения Анго и трех-, четырехдолбчатые

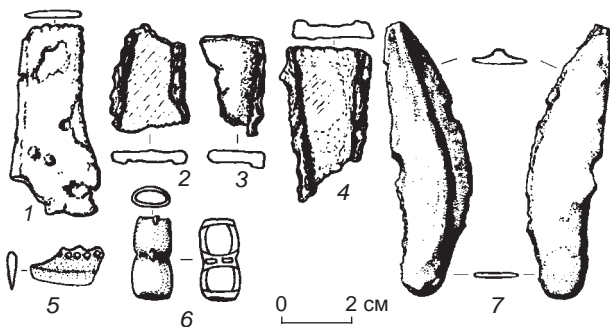

Рис. 15. Металлические изделия с памятников Сухие Протоки-2 на р. Бурее (1–6) и Усть-Ульма (7) (по: Деревянко, Зенин, 1995, с. 97, рис. 5, 1).

1 – железный нож; 2–4 – фрагменты кельта из белого чугуна; 5 – фрагмент бронзового ножа; 6 – бронзовая бляшка-пронизка; 7 – бронзовый нож.

пронизки, разделенные мелкими желобками, с урильского поселения Максим Горький [Деревянко, 1973, с. 187, 331, табл. LVIII, 2, 3]. Они восходят к карасукским прототипам, представляющим собой тип дольчатых изделий [Членова, 1972, с. 188, табл. 18, 17; с. 194, табл. 27, 22; с. 202, табл. 36, 33–40]. По всей видимости, пронизка из бурейской коллекции – это местная разновидность дольчатых бляшек южно-сибирского типа, в основе которой лежит не полусферическая, как у классических образцов, а бочонковидная форма. Внешне находка из Сухих Протоков-2 напоминает урильские спаренные бочонковидные бусины из камня. По мнению А.П. Деревянко, ареал каменных бус подобного типа невелик и ограничивается районами Приморья и Приамурья [1973, с. 123].

Среди железных предметов раннего комплекса Сухих Протоков-2 выделяется фрагмент ножа оригинальной формы с односторонне заточенным лезвием (рис. 15, 1). Он имеет пластинчатую рукоять и лезвие, расположенное под углом к ней. В месте перехода лезвия в рукоять имеются оформленные в виде выступов плечики. Изделие было изготовлено из низкоуглеродистой стали [Краминцев, 1996, с. 126]. Нож также не имеет аналогов ни в орудийном наборе урильских поселений, ни в материалах других дальневосточных памятников эпохи раннего железа. Внешне он напоминает простейшие формы бронзовых карасукских ножей коленчатого типа [Членова, 1972, с. 171–180, табл. 1–10]. В отличие от южно-сибирских образцов, бурейский нож имеет в месте сочленения клинка и рукояти не один, а два «шипа». Разница прослеживается и в оформлении рабочей части орудий: у ножа со стоянки Сухие Протоки-2 режущий край расположен на той стороне лезвия, которая у карасукских ножей соответствует спинке клинка. Очевидно, бурейский экземпляр представляет собой своеобразную имитацию, воспроизводящую в железе форму карасукских бронзовых моделей.

В состав раннего комплекса Сухих Протоков-2 входят три фрагмента кельта из белого чугуна [Краминцев, 1996, с. 126]. Он, скорее всего, имел вытянутую трапециевидную форму, причем длинное основание трапеции соответствовало обушке, а короткое – рабочему лезвию насада. С тыльной стороны у насада отсутствует вторая «щека»; ее заменяют низкие бортики-закрайники, сохранившиеся фрагментарно (рис. 15, 2–4).

Кельтовидные орудия получают распространение на юге Дальнего Востока уже на начальном этапе раннего железного века. В Приморье они встречены в составе орудийных комплексов поселений на п-ове Песчаном, Малая Подушечка, Олений А (слой 1), относящихся к янковской культуре [Окладников, 1963, с. 268, табл. 84, рис. 13; с. 308, табл. 125, рис. 8; Андреева, Жушиховская, Кононенко, 1986, с. 60–61, 62, табл. 20, 1, 3]. В Приамурье орудия, аналогич-

ные находке со стоянки Сухие Протоки-2, известны среди материалов поселения на о-ве Урильском [Деревянко 1973, с. 143–144, 290, табл. XVII, 6, 7]. Кельты урильской и янковской культур близки друг другу не только по морфологическому облику, но и по технике изготовления: все они отлиты из чугуна в составных формах.

Стратиграфические условия залегания букинского железного артефакта в прослое 5.1 позволяют говорить о его большей древности по сравнению с находками со стоянки Сухие Протоки-2, где урильские железные предметы залегали в верхней трети слоя 3 и датированы по ^{14}C IX–VIII вв. до н.э. Свидетельством выплавки металла урильским населением в долине Буреи является кусок ожелезненного шлака, найденный в прослое 3.3 на памятнике Букинский Ключ-1.

Заключение

Обнаружение в Западном Приамурье в одном комплексе урильской культуры, которая на данной территории сменяет поздненеолитическую осиноозерскую, бронзовых и железных изделий, возможно являющихся репликами карасукских предметов; местное производство железа; новые радиоуглеродные даты, позволяющие говорить о зарождении урильской культуры в XII в. до н.э., пока не дают оснований для выделения бронзового века как отдельного хронологического этапа в археологической периодизации древностей Приамурья, по крайней мере, в его западной части. Здесь, видимо, бронза и железо начинают использоваться населением одновременно в самом конце II – начале I тыс. до н.э.

Результаты анализа спорово-пыльцевых спектров с расположенной рядом с памятником Букинский Ключ-1 стоянки Букинский Ключ-2 свидетельствуют о сильном сокращении площади хвойных лесов во время формирования слоя 5 в конце суббореального периода голоцена и замене их вторичными березовыми лесами. Это могло быть связано не только с увеличением континентальности климата и суровостью зим, но и с усилением антропогенного влияния носителей урильской культуры на природно-ландшафтное окружение [Древности Буреи, 2000, с. 55].

Хозяйственная деятельность человека на раннеурильской стоянке Букинский Ключ-1, судя по составу каменного инструментария, в котором преобладают каменные и керамические скребки (рис. 16), предназначенные для работы со шкурами, присутствуют лощила для обработки кожи, наконечники стрел, была связана с охотой и переработкой ее продуктов. Расположение стоянки на берегу Буреи недалеко от островной системы у Букинского переката обуславливало занятие населения рыболовством. Найденные грузи-

Рис. 16. Керамический скребок на фрагменте урьльской керамики. Букинский Ключ-1, прослой 5.1.

ло, предположительно каменная блесна и железный обломок крючка связаны именно с этой деятельностью. Большое число отщепов и сколов, присутствие нуклеусов, отбойников, наковаленок свидетельствуют об изготовлении необходимых каменных орудий непосредственно на месте стоянки. Для памятника характерно наличие значительного количества остатков разбитой керамической посуды, особенно вокруг кострищ, при отсутствии инструментов, связанных с ее производством.

Комплекс признаков природно-хозяйственной деятельности человека на Букинском Ключе-1, отсутствие жилищных конструкций, бессистемное расположение кострищ говорят о том, что, скорее всего, это была временная сезонная охотничье-рыболовная стоянка нерегулярного посещения.

Список литературы

- Андреева Ж.В., Жущиховская И.С., Кононенко Н.А.** Янковская культура. – М.: Наука, 1986. – 216 с.
- Атлас** литейных пороков: Классификация, пороки общего типа, пороки отливок из серого чугуна. – М.: Центр. бюро техн. информации, 1957. – Т. 1. – 194 с.
- Деревянко А.П.** Проблема бронзового века на Дальнем Востоке // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. – 1969. – № 6: Сер. обществ. наук, вып. 2. – С. 94–99.
- Деревянко А.П.** Ранний железный век Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1973. – 356 с.
- Деревянко А.П., Зенин В.Н.** Палеолит Селемджи (по материалам стоянок Усть-Ульма I–III). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – 160 с.
- Древности** Буреи / С.П. Нестеров, А.В. Гребенщиков, С.В. Алкин, Д.П. Болотин, П.В. Волков, Н.А. Кононенко, Я.В. Кузьмин, Л.Н. Мыльникова, А.В. Табаров, А.В. Чернюк; отв. ред. Е.И. Деревянко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 352 с.
- Краминцев В.А.** Литая сталь польцевского поселения // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири: Мат-лы IV Годовой итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 1996 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – С. 125–128.
- Кривинский Н.Н.** Технология металлов. – Л.: Лениздат, 1973. – 463 с.
- Магницкий О.Н., Пирайнен В.Ю.** Художественное литье. – СПб.: Политехника, 1996. – 231 с.
- Мазин А.И.** Календарь хозяйственного года со стоянки железного века Приамурья // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий: (Мат-лы XI сессии археологов и антропологов Дальнего Востока): Третья науч. конф. России и Китая на дальневосточных рубежах. – Благовещенск: Изд-во Благовещ. гос. пед. ин-та, 2003. – С. 195–205.
- Нестеров С.П., Алкин С.В., Богданов Е.С.** Исследования на памятниках Букинский Ключ-1 и Безумка // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы V Годовой итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН, посвященные 40-летию Сиб. отд-ния РАН и 30-летию Ин-та истории, филологии и философии СО РАН. Декабрь 1997 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – Т. 3. – С. 258–264.
- Новгородова Э.А.** Центральная Азия и карасукская проблема. – М.: Наука, 1970. – 192 с.
- Окладников А.П.** Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока: Материалы к истории Дальнего Востока. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – 356 с.
- Окладников А.П., Деревянко А.П.** Далекое прошлое Приморья и Приамурья. – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1973. – 440 с.
- Селимханов И.Р.** Разгаданные секреты древней бронзы. – М.: Наука, 1970. – 79 с.
- Членова Н.Л.** Хронология памятников карасукской эпохи. – М.: Наука, 1972. – 248 с. – (МИА; № 182).

Материал поступил в редколлегию 25.12.07 г.